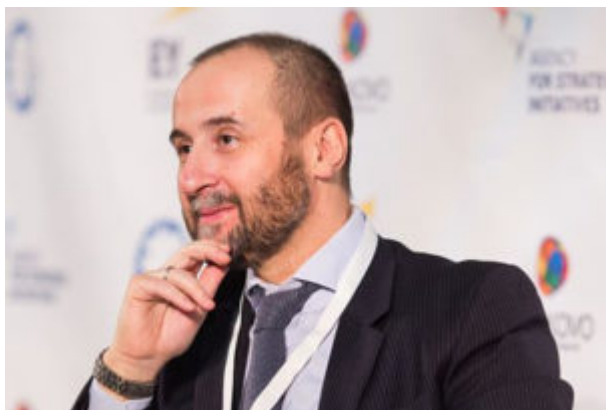

«Мы идем по аргентинскому сценарию».

В России активно обсуждаются разные концепции социально-экономического развития страны, как готовые, так и готовящиеся. А подходящее ли сейчас время для экономических дискуссий? И помогут ли они экономике?

Время для того, чтобы вести дискуссии, плохим не бывает. Как известно, многие люди, попавшие в ГУЛАГ, – те, кто оказался не в самых жутких местах конечно, – с теплотой вспоминали собеседников и обсуждения, которые они вели в заключении. Уровень дискуссии был прекрасным, чудесные люди вокруг. И сейчас в России дискуссии тоже замечательные, да к тому же за них пока не сажают. У нас ВВП на душу населения все еще приличный – дискутирующим хватает на хлеб с маслом и отечественным сыром. Поэтому, мне кажется, сейчас отличное время для дискуссий.

А польза от них, я думаю, сегодня нулевая. Актуальная экономика – вообще не место для дискуссий. Она место для действия, а, когда речь идет о государстве, желательно, – бездействия. Потому что бездействие государства дает экономике расти намного более эффективно, чем его вмешательство. Дискуссии же работают не на сегодняшнюю экономику, а на экономику будущего. С точки зрения России 2035 года сегодняшняя дискуссия, конечно, очень полезна. Потому что тем

из нас, или уже не из нас, кто в 2035 году будет действовать или бездействовать, они могут дать пищу для размышления, что делать и как. Результаты дискуссии должны застыть и превратиться в камень, отлиться в форму практически обоснованных идей, чтобы их можно было положить в фундамент экономики.

А живая дискуссия потому и живая, что у нее нет адресата. Иначе вещи просто тихо и спокойно делались бы, а вместо дискуссии были бы планы, проекты, решения. А когда идет бесконечный разговор – это значит, что связь «с волей» оборвана. Значит, в этом «интеллектуальном ГУЛАГе» сидят (слава богу, в очень комфортных условиях) люди, которые явно могут что-то придумать, но лишены свободы действия, а «на свободе» сидят люди, которым все это неинтересно. И понятно, почему.

Потому что не нужно?

Потому что от добра добра не ищут. У нас власть пользуется схемой, которая пока отлично работает. Это схема управления страной через вертикаль власти, скрепленную пактом «лояльность в обмен на особые права». Позднесредневековая Европа эту схему довела до совершенства, она выдерживает даже значительные катаклизмы, пока есть феодальный ресурс. А феодальный ресурс есть. У ЦБ лежит \$400 млрд резервов, и резервы растут. Нефть продается, торговый баланс положительный.

Дефицит бюджета конечно растет, но не страшно растет. ВВП на человека – маленький, но не опасно маленький. Социальная нагрузка большая, но подъемная. Социальная активность находится на минимальном уровне, медийная среда не просто контролируется, но и создает достаточное давление на настроения общества. А оно деморализовано за последние 100 лет настолько, что ценность неизменности, стабильности, безрисковости для большинства населения так высока, что их покупают ценой существенных экономических потерь, – и власть это вполне устраивает.

Лучше всего для власти в ближайшие 10 лет ничего не трогать – не потому, что это ведет к развитию (совсем наоборот) или хотя бы консервирует ситуацию (тоже нет), а потому что любые неимитационные действия по реформированию экономики вынуждены будут начинаться со значительного сокращения сферы применения вышеозначенного пакта. А это – риск для всей системы власти.

Дискуссии по салонам и конференциям идут потому, что ученые и профессионалы знают – рано или поздно закончатся все методы управления страной, ведущие к развалу, и придется начинать делать рациональные вещи, а к этому моменту надо подготовиться. Ну а инициация дискуссий вокруг самой власти – это результат комбинации любопытства отдельных членов правящей команды (хочется же посмотреть на этих «экономических кенгуру», может что-то дельное и безопасное проскочит, можно, наоборот, какие-то идеи использовать в личных целях), и желания игроков, находящихся на периферии элиты, с помощью «новых идей», за которыми стоят вполне конкретные сценарии обогащения отдельных бенефициаров, пенетрировать стенку, отделяющую их от настоящей кормушки и пробраться внутрь. Все это не имеет отношения к реальной жизни страны.

Театр окол властной дискуссии – это шоу, перформанс, он живет по своим драматическим законам. Главный зритель, сидящий в королевской ложе, отлично знает, как устроена страна, что можно и чего нельзя. Но, может быть, он услышит какие-то реплики, полагая, что они могут быть интересными и полезными, он сможет их потом повторять даже публично – либо чтобы показать, что «знает истину», либо чтобы попугать безумными идеями. Он же европеец, в конце концов. Может быть, вокруг него вообще последние европейцы в стране. Поэтому они не говорят никому: «Пошел вон». Они говорят: «Хорошо, вы там напишите, а мы посмотрим». А артисты играют за гонорар или вообще за подарок от зрителя из ложи. Но, естественно, дальше все будет так, как оно есть сейчас, потому что бенефициаров перемен нет.

Каковы ваши ожидания от государства в экономике на горизонте

двух лет? Сейчас считается, что 2018 год – очень важное время.

Я не думаю, что 2018 год что-то определяет. ВВП еще достаточно велик, резервы еще растут, нефти еще добываем много и стоит она не слишком дешево. Конечно проблемы потихоньку нарастают: кончаются фонды правительства, скоро начнет сказываться нехватка средств на амортизацию. Но пока деньги есть – еще долго, года до 2022 – можно не беспокоиться. Думаю, с 2018 года начнут немножко налоги поднимать, будут наращивать внутренний долг. Понемножку будут изымать свободные средства.

У населения?

У населения, у предприятий. Денег в экономике много, девать их некуда, потому что никто не хочет их инвестировать, и в обороте они не нужны, так как спрос падает. А у правительства денег мало, потому что налоги не с чего собирать, да и расходует правительство деньги неэффективно. Поэтому надо исправить перекося – с помощью налогов, заимствований, другими способами. Власти важно, помимо прочего, укреплять систему защиты стабильности, в том числе – от общества, на случай если стабильность ему разонравится. Допустим, что нефть падает до \$10 за баррель, хотя это маловероятно. Кто обеспечит власти еще хотя бы 3 года существования? Силовики, региональные лидеры. Значит, надо их хорошо финансировать, создавать на них резервы (у них память короткая – перестал финансировать, они тут же перестанут помогать). А большинство населения просто будет постепенно все меньше кушать. И с этим мало что можно поделать. Что толку сегодня говорить: «избыточные риски убивают экономику – нужно независимое правосудие». Попробуйте создать независимое правосудие в стране. Вас же и отправят под это правосудие, а вместо вас начнут искать того, кто его демонтирует обратно.

Получается, сама тема экономического стратегирования сейчас неактуальна для России? Допустим, в краткосрочном периоде ничего изменить нельзя. Но осмысление горизонта в 10 – 20 лет – им тоже никто не собирается заниматься?

Всё определяется соотношением рисков и доходов у стейкхолдеров – тех, кто реально может решать. Чтобы начались изменения, должна появиться элита, которая от этих изменений не слишком рискует, но зато много приобретает, – как это было на рубеже 1980-1990 годов. Будущего у страны не было, все это понимали, а потенциальный доход – все активы страны. Сегодня риски для элиты очень сильно перевешивают потенциальные выигрыши от перемен. Поэтому в ближайшее время об этом говорить бессмысленно. Ситуация, в которой элитам будут выгодны перемены, сможет сложиться, когда ресурсы больше не станут приносить значимого дохода.

Через 10, 15, 20 лет, может, чуть раньше или позже, конечно должна появиться элита перемен. Но какая? Либо очень левая, которая выйдет с лозунгами «отнять и поделить». Условный Навальный объединит вокруг себя старую КПРФ и молодых силовиков, разочаровавшихся в капитализме, чтобы восстановить Советский Союз и правильно управлять оставшимися активами. Это венесуэльский сценарий. Либо генералы и полковники, вместе с левыми радикалами и сочувствующими русским маршам придут к власти, чтобы создать православную республику. Это отдаленно напоминает иранский сценарий 1973 года. Либо те же самые молодые силовики, истосковавшиеся по Лазурному Берегу, пойдут за идеей, что можно упятерить ВВП и самим неплохо заработать, если пустить иностранцев. Это ближе к южнокорейскому варианту – открытая экономика, глобальные корпорации в стране, правый поворот.

Вероятность, что мы просто доживем до катастрофы, не слишком велика. Возникнет ситуация, когда для элиты upside станет уже так мал, что они потребуют что-то наконец сделать – и что-то (необязательно позитивное) начнет происходить.

Когда это произойдет? Некоторые экономисты предсказывают большие трудности для российской экономики в середине 2020-х годов.

Начинаешь считать, смотришь, что происходит с ритейлом, что

происходит с долей России на местном рынке и приходишь к выводу: у нас еще на 2 года есть «плато», потом начнется slide down, и еще 4-6 лет до момента, когда мы попадем в опасную зону. Это 2024-2026 годы. Но мы не понимаем запаса адаптивности нашей экономики. Мы не понимаем, что будет происходить в ее конкретных звеньях. Мы не понимаем, в конце концов, какая будет дефляция по импортным потребительским товарам. Мы цены на нефть в будущем не знаем. Мы вообще очень мало понимаем: 10 лет для экономики – это очень большой срок. Да, если все пойдет дальше, как идет сейчас, то через 8-10 лет у нас будут триггерные проблемы. Но говорить «если все пойдет как сейчас», это все равно что прогнозировать температуру в декабре на основании линейной экстраполяции графика за период январь – июнь.

Если мы так мало знаем, то стратегирование для правительства сейчас бессмысленно? А как же планы, вроде «Энергетики-2030»?

У нас отсутствует возможность реального прогнозирования на срок более 3, максимум 5 лет. Кроме того, у нас задают тон люди совершенно безграмотные в прогнозировании, которые верят в то, во что верить хотят. Люди, которые проспали сланец, проспали водород, проспали альтернативную энергетику. И все остальное тоже просят, потому что у них работа такая.

На что мы будем опираться, прогнозируя? На прогноз корпораций? Но прогноз корпораций делается очень простым способом – максимально занижить краткосрочный результат и максимально завесить долгосрочный. Краткосрочный мы понижаем, чтобы нам бонус платили даже за него. Долгосрочный завышаем, чтобы нам капвложения разрешали по максимуму.

Как будет выглядеть энергетика в 2030 году, не знает никто. Страна должна быть готовой к любым поворотам, это единственный способ выживать. Если страна мерит себя тем, сколько будет стоить один продукт, она failed state в любом случае. Рано или поздно этот продукт ей не будет приносить денег.

Есть известная конструкция о том, что мир делится на четыре экономических уклада: существуют центры новой экономики – «долины»; «зеленые зоны» – достаточно устойчивые государства или территории; «желтые зоны» – бывшие индустриальные страны; «черные» зоны, отключенные от современных технологий. Где мы в итоге окажемся?

Сползание – это долгосрочный процесс, а все экономическое можно прогнозировать только краткосрочно. За 10 лет экономика России ухудшится, но мы не сдвинемся в «табели о рангах» принципиально. Мы стоим сейчас в шестом десятке стран по ВВП на душу населения. От того, что мы встанем через 10 лет, скажем, в седьмой десяток, а Китай займет наше место, ничего кардинально не изменится. Мы стоим на 12-м месте по объему ВВП в мире, сразу за Южной Кореей. Ну, станем мы, скажем, на 18-е, сразу за Турцией – что с того? Контраст между Москвой и регионами будет жестче конечно, но за 10 лет до голода и тотальной нищеты в регионах мы не доберемся. Допустим, снова начнется депопуляция, но сколько рабочей силы уйдет за 10 лет – 3%? Что такое 3% при безработице в 6% и неограниченном предложении мигрантов?

Можно, конечно, поговорить о столетнем сроке. В прошлом году праздновали 100 лет левой аргентинской революции – за это время Аргентина вдвое снизила свою долю на мировом рынке. Она была претендентом на финальный забег и на призовые места, но глубоко ушла в первую лигу: стала 21-ой экономикой мира по номинальному ВВП, 52-ой по подушевому ВВП. Превратилась ли она в Судан или Сомали? Нет конечно. В Аргентине люди прилично себя чувствуют. Жалуются, что всё плохо, но в общем и целом там вполне ничего. Нормальная страна – Аргентина.

Мы пока идем по этому, аргентинскому сценарию. В ближайшие 100 лет, вполне возможно, мы будем иногда и диссидентов с вертолетов скидывать, иногда и либерализовывать все и американцев приглашать, потом опять национализируем банковскую систему, объявим пару дефолтов, возможно – разделимся на несколько государств. Сейчас у нас 145 миллионов человек – ну

будет у нас 100 миллионов человек. Сейчас у нас 2% населения, будет 1% мирового населения. Сейчас у нас МГУ – 150-й в рейтинге мировых вузов, ну не будет его там совсем. У Аргентины нет университетов в рейтинге. Что, Аргентина сильно страдает от этого? Тоже нет. У нас сейчас 2% мирового ВВП (по номиналу), ну будет 1%. Жаль конечно, у Российской империи в 1913 году было 5% мирового ВВП. Жаль, но переживем.

Будут ли удачны попытки вытянуть отдельные сектора российской экономики, особенно те, в которых у нас есть заделы, и к которым население относится положительно. Например, технологии магнетизируют наше общество, наши люди любят технологии, они их возбуждают. Есть польза в попытках точечной модернизации, например, технологического сектора?

Фраза «завтра будут технологии» вызывает встречный вопрос: «Почему их нет сегодня?» Если у вас в данных условиях может что-то появиться – оно появляется; если прошло 5 минут, и оно не появилось – значит, его и не может быть. О каких технологиях мы вообще говорим? Где мотивация? Огромные риски заставляют вас придвигать горизонт ближе. Горизонт короче, значит, криминальный бизнес выгоднее, а требующий инвестиций – нет. Пилить легче, чем строить.

Много говорят о поддержке со стороны государства. Поговорите с людьми в государстве. Им сперва сообщают: «Так, делаем фонд, инвестируем в венчуры». Они идут инвестировать венчуры, а дальше им говорят: «А где гарантии возврата?». – «Так это же венчур!» – «Ничего не знаем, раз потеряли деньги, это хищение. Вы арестованы». В Израиле есть государственные фонды, инвестирующие в венчуры. У их управляющих обратная инструкция – «теряйте деньги», потому что, если ты не теряешь денег на инвестициях в венчуры, значит это никакие не венчуры, и ты саботируешь правительственную программу. Израильяне говорят, что даже убыточный венчур приносит стране пользу, так как люди обучаются, отрабатывают подходы, в конечном итоге деньги все равно идут в экономику.

Ну и, наконец, должна быть независимая, частная инициатива. Технологии из Силиконовой долины созданы не американским правительством. Google и Facebook создавались не по госпрограммам. Для появления технологических прорывов нужен огромный кипящий слой, среда, экосистема. В них, возможно, 99% умирает, но 1% выстреливает и становится «единорогами». Но частники в России с таким государством, которое все время меняет правила игры под себя, у которого право собственности – бумажка, а судьи ждут звонка, чтобы вынести приговор, просто не будут рисковать. А государство у нас не израильское, оно не допустит убытков, оно хочет 100% живущих и прибыльных стартапов. В итоге получается 100% мертвых, потому что кроме жулика у нашего государства деньги может взять только человек совсем без воображения.

Но даже если случится чудо, и в отсутствие школы, опыта, среды, в России родится некая новая машина-изобретение, и даже если на нее найдется инвестор, этой российской чудо-машине будет не хватать для становления в виде «русской технологии» буквально всего: ей будет нужен класс подрядчиков, поставляющих качественные комплектующие; школа маркетинга, чтобы обеспечить продажи; нужен наконец внутренний потребитель, потому что прежде чем выйти на внешний рынок, ей надо будет отработать «серийный образец». Но подрядчиков нет, маркетинга нет, внутренний рынок схлопывается.

Экономические связи в мире нарастают, а с другой стороны, нарастают противоречия, в том числе, на почве экономических вопросов. С вашей точки зрения, мы идем к столкновению – военные сообщества разных стран обманывают нас, говоря о неизбежности конфликта?

Рассуждать здесь надо с точки зрения тренда, но не только с точки зрения тренда. С точки зрения тренда мы не идем ни к какому военному конфликту, потому что «value» военного конфликта для крупных игроков в современном мире резко отрицательно. Есть очень много способов конфликтовать без войны. Геоэкономика позволяет вам вести активную игру, и даже

с нулевой суммой и отрицательной, но со значительно меньшей отрицательной суммой, чем военный конфликт. Это тренд.

Но все мы очень хорошо знаем, что малое отклонение от параметров в нестабильных ситуациях может привести к «разрыву второго рода». Классический пример – Первая мировая война. На уровне 1910 – 1912 годов, общий информированный консенсус, сводился к тому, что в мире потеряны предпосылки для ведения боевых действий. И это было абсолютной правдой. Это было за 2 года до самой страшной в истории человечества войны (по состоянию на то время).

Почему? Потому что маленькие нерациональные шаги очень часто формируют «rat trap» – политическая крыса заходит в ловушку собственной ошибки и уже не может бежать назад. Нерациональный шаг порождает неправильное представление о твоей целевой функции, что порождает нерациональный шаг с другой стороны – это ровно то, что случилось перед Первой мировой войной. Вторая мировая была, как раз, совершенно логична – просто Первая была прервана, не закончившись. Первая мировая война произошла на пустом месте и разрушила игру всех участников вместе с некоторыми участниками. И поэтому сейчас никто вам не гарантирует, что глобального конфликта не будет.